

Доклады и тезисы выступлений ▼

Дискурс российской власти: ложь, надменность, безответственность

Ю.Г.ЕРШОВ

Лейтмотив нашей политико-идеологической жизни — это несоответствие официальных деклараций, проектов, договоров и т.п. самой повседневности, обыденной жизни, насыщенной чиновничьим произволом (административным, милицейским, судебским), бытовой и организованной преступностью, техногенными катастрофами, пьянством и наркоманией, низким уровнем жизни большинства... Государство объявлено социальным на фоне все большей утраты им социальных функций; политики сокрушаются о незрелости гражданского общества, попустительствуя подавлению СМИ и профсоюзов, слабой защите частной собственности и элементарных прав граждан.

Распад прежней, партийно-номенклатурной государственности обнаружил отсутствие в российском социуме духовно и институционально утвердившихся механизмов интеграции и стабилизации общественных отношений. Маргинальность и люмпенизированность населения, превращающегося при смене общественного строя в бесформенную массу, делают возможным существование в ней совершенно разных идей, создают расколотое и «всеядное» сознание. Во многом это объясняет, почему в нашей стране за последние пятнадцать лет стала возможной такая быстрая смена идеологических ориентаций, не ставящая массу в тупик. В условиях, когда и цели общественного развития, и ценности размыты, неустойчивы, не происходит социального запроса на идеологию, духовная жизнь

становится преимущественно повтором привычных идей и представлений. Но по отношению к сложившейся ситуации вряд ли эвристична метафора «идеологического вакуума», якобы возникшего при крахе ценностей социализма, «обнаруживших» свой утопизм и антигуманную сущность. С этих позиций нам будет трудно или вообще невозможно объяснить перепады и повороты массового сознания, в короткое время бросающегося от социализма «поленински» к оголтелому антикоммунизму, а потом — к антиамериканизму, радикального изменения интонаций и словаря официально-государственных текстов. Задача же состоит в выяснении, какие ценностные ориентиры и мировоззренческие установки воспроизводит сама жизнь. Для российского общества это вопросы о том, произошла ли смена тотального идеологического воздействия на сознание людей, характерная для идеократического советского государства, в котором санкционированной реальностью обладали съезды и их «исторические решения», победные рапорты об успехах народного хозяйства, призывы и демонстрации, повседневность же маркировалась «неподлинностью» и ущербностью, обреченной на эсхатологическое преобразование; воспроизводятся ли принципиально новые мыслительные формы, упрочивающие развитие рыночной экономики, политического участия и целерационального поведения; преодолеваются ли настроения отчаяния и безнадежности, апатии и безверия. Ведь суть духовно-идеологического кризиса не сводится к его социально-

психологическим формам, но затрагивает ценностно-целевые основания общественной жизни, смысло-жизненные вопросы о будущем государства и общества. Если в повседневности жизнь сводится к погоне за потребительскими стандартами у одних и выживанию у других, если потеряна связь поколений, девальвируются ценности культуры и образования, то тогда с неизбежностью теряется историческая перспектива, вызывая новый приступ погони за «радостями» жизни по принципу «после нас хоть потоп».

Все прекрасно понимают, что содержание идеологии не сводится к ценностным представлениям об основных чертах желательного общественного строя. В конечном итоге идеология призвана обосновать правомерность и необходимость существующего политического режима, духовно легитимировать наличный социальный порядок и государственную власть. Политическая история стран, прошедших за последние три-четыре десятилетия серьезные изменения общественного строя (Испания, Португалия, Китай, Вьетнам, Турция и т.д.), служит поучительным примером конструктивной роли идеологических сдвигов в подготовке общества как к «переоценке ценностей», так и издержкам трансформации экономики. Задавая индивиду норму поведения (а тем самым и мотив) через систему социальных, нравственных и эстетических образцов, идеология сплачивает и мобилизует общество, подкрепляя тем самым и претензии доминирующих групп на общеобязательность, беспрекословность выполнения их приказов. Слово, обладая определенным ценностным содержанием, выступает реальным инструментом политического воздействия.

Легитимность власти, понимаемая как ее моральная и социальная оправданность перед обществом, неотделима от умения внятно и четко объяснять смысл своих действий, предупреждать о трудностях и проблемах, признавать ошибки,

обосновывать и возбуждать веру в достижимость высоких, но реалистических целей, утверждать гуманистические ценности созидания, совместимые с утилитаризмом обыденной жизни. Сегодня справедливо ставится вопрос о идеологическом бытии власти, существовании идеологем, исходящих от государства и его институтов и обеспечивающих большую или меньшую степень единства ценностных ориентаций населения и политической элиты. Отсутствие или ослабление духовной связи гражданина с государством, подмена ее конъюнктурной манипуляцией словами ведут к потере самоидентификации индивида с Отечеством, нацией, государством. «Осознаваемая или ощущаемая населением подмена социально значимых ценностей узкогрупповыми, - замечают А.Г.Хабибулин и Р.А.Рахимов, - ведет к еще большей степени отчуждения индивида от социума и государства, усилению атомизации общества» (См.: Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Государственная идеология: к вопросу правомерности категории // Государство и право. 1999. № 3. С.14). Власть взывает к социальному одобрению происходящих перемен, но наталкивается на вполне естественное отсутствие навыков понимания, интерпретации и осмысленного воспроизводства новых идеологических ценностей, эмоционального принятия символов государственности. Диалог тем более важен, поскольку перемены подобного рода влекут значительное ухудшение материального положения и духовного самочувствия большинства населения, кардинально меняют ценностно-смысловой Космос общества.

Дееспособность власти напрямую зависит от механизма перевода дискурса власти на общепонятный и доступный большинству язык повседневности. Ведь иной раз мы наблюдаем своего рода «семантические войны», дополняющие и обнаруживающие социокультурный раскол общества. Глубокое и взаимное отчуждение между властью и обществом

выражается в особых синтаксических конструкциях, в который местоимение «они» обозначает безличную зловещую силу. Со стороны «низов» «они» вызывают множество слухов, фантастических домыслов о действительных или мнимых намерениях с последующим разоблачением inferнальной сущности и антинародной тайны власти. Для «верхов» «они» ленивы, недисциплинированы, склонны к пьянству и воровству. После этого вся коммуникация между теми и другими сводится к банальному злословию, демонстрациям престижа и влияния, взаимному игнорированию.

В анализе идеологической ипостаси современного российского государства наиболее инструментальна коммуникативная модель власти (Арендт, Хабермас), трактующая ее как многократно опосредованный и иерархизированный механизм общения между людьми, социальными группами и институтами в пространстве коммуникаций. В рамках этого подхода значительное место занимает анализ дискурса власти – языка и неязыковых практик, раскрывающих различные, зачастую разнонаправленные способы ее действия на структуры повседневности.

Продуктивность подобного изыскания обеспечивается погружением в контекст повседневности, обуславливающий тем самым и определенную перспективу анализа феноменов дискурса. Эта перспектива связана с «невыведенностью» исследователя от изучаемых структур повседневности, осознанием самого себя участником происходящего, что препятствует просветительскому высокомерию, навязыванию представлений о добре и зле, истине и лжи. Следовательно, речь идет о признании многообразия и несводимости к одной модели индивидуальных и групповых практик, оригинальности «голосов», озвучивающих разнообразный жизненный опыт и ценностно-нормативные предпочтения. Все это выражается в понимании социальной реальности как сети,

создаваемой пересечением множества социальных связей, массы целерациональных и импульсивных поступков, причудливо соединяющих здравый смысл, традиции и обычаи с официальными взглядами и политическими лозунгами.

Изменения, происходящие в этом вязком, замедленно текущем мире определяют действительную цену идеологическим манифестациям, смене политических режимов и вообще всему тому, что выдается за революцию. Включенность в цепь событий повседневной жизни препятствует инверсионному делению мира на противостоящие друг другу ценности и программы, соответственно, ориентирует на поиск и признание смыслов иных жизненных опытов и дискурсов. Разумеется, невозможно отвлечься от разнородности и разнонаправленности субкультур социума, гетерогенности их взаимодействия между собой, прежде всего между повседневностью масс и властвующих групп, проблемы взаимопонимания ими друг друга, т.е. создания единого коммуникативного кода. Признавая двойственную природу власти, т.е. ее способность (и предназначенность) быть необходимым механизмом управления и в тоже время выступать отчужденной, дегуманизированной силой, сосредоточим внимание на второй стороне. Этот акцент легко объясним, во-первых, тем, что связан с инстинктом самосохранения власти, развивающим ее протейную природу – способность быть везде и нигде, ускользать и внезапно появляться, менять облик и язык. В этом качестве она подобна хищнику из одноименного фантастического фильма. Во-вторых, драматический опыт всех попыток реформирования (модернизации) России, подтвержденный и последними пятнадцатью годами нашей жизни, свидетельствует об исключительной роли государственной власти в выборе целей и средств решения объективных исторических задач.

В развитии российского общества ярко проявляется двойственность поведения бюрократии как особого социального слоя: с одной стороны, ее представители и призваны и согласны с тем, что должны воплощать в своей деятельности технологическую рациональность управления, с другой же руководствуются нормами, традициями и обычаями, которые противоречат общественно-необходимым целям. Логико-семантические особенности традиционной политической лексики в случае расхождения глубинного смысла, укорененного в языке, и нового контекста его использования, воздействия нового идеологического концепта на культурные архетипы, приводят к деформации и искажению коммуникативной стратегии, вызывают непредсказуемые и абсурдные эффекты. Например, язык либеральной идеологии в ее современном виде органически чужд бывшей номенклатуре и предназначен для внешнего предъявления в качестве визитной карточки, легитимирующей ее обладателя перед мировым сообществом, точнее – перед западной цивилизацией (внутреннее использование в прагматических целях закончилось вместе с выборами Президента в 1996 году, выразив панику перед возможной победой кандидата от КПРФ).

Как и раньше, за словесной приверженностью к определенным символам и текстам скрываются идейная беспринципность, политические амбиции, воля к власти. ГКЧП, получивший политико-идеологическую квалификацию после своего провала, как путч, освободил поколение «среднего» звена номенклатуры, пришедшего к власти, от каких-либо уз идеологического контроля. Поворот к идеологическому антикоммунизму, инициированный «снизу» разочарованием в потребительских результатах перестройки, открыл шлюзы для рецепции либеральных концептов западной цивилизации, причем рецепции вульгарной и поэтому изначально противоречащей объективным задачам

модернизации, но удачно освоенным правящим слоем, мгновенно почувствовавшим, что индивидуальные права и свободы это есть то, что может быть обеспечено союзом с криминальными и силовыми структурами, властными полномочиями, открывающими безграничные возможности по контролю над экспортом-импортом, приватизацией государственного имущества и прокручиванием бюджетных денег, «творческим» использованием кредитов МВФ.

По Марксу, этикетка систем взглядов, в отличие от этикетки товара, способна обманывать не только покупателя, но и продавца. Применима ли эта остроумная идея к современным специалистам по «обмену идей на продукты питания» (перефразируя попа-расстригу из толстовского «Хождения по мукам»)? Да, политизированная интеллигенция внесла свой вклад в становление «новой» власти, напоминая живописный эпизод из антиутопии Дж.Оруэлла. Напомню, речь идет о первом появлении на задних ногах, вопреки заповеди «скотской республики» свиньи-предводителя по кличке Наполеон. Далее по тексту, который лучше привести дословно: «Казалось, мир перевернулся. Наконец, животные справились с первым шоком, и стихийный протест уже готов был выплеснуться наружу – невзирая ни на панический страх перед псами-охранниками, ни на многолетнюю привычку сносить все безропотно, ничто и никогда не подвергая сомнению. Но в этот самый миг, словно по сигналу, овцы дружно грянули:

- Четыре ноги хорошо, две ноги лучше!

- Они скандировали пять минут, и когда в конце концов представилась возможность вклиниться со словом протеста, это потеряло всякий смысл...». В целом же успех идеологической акции по внедрению нового языка скорее сомнителен. Полюс авторитарного утверждения (Барт) оказался скомканным и та же повседневность, в которой живут

преподаватели вузов, инженеры, ученые и т.п. превратила либеральные ценности в набор штампов и клише, имеющих отношение к жизни ровно такое же как недавно «развитый социализм», произносимых, вероятно, с тем же внутренним отвращением. Понятно, что еще в меньшей мере удалось создать стадную тягу к повторам риторики власти по причинам амбивалентности массового сознания, один полюс которого по внешне языковому выражению тяготеет к референтной группе властвующих, а второй – по внутренним интенциям – так же уравнилительно-завистлив, как во времена борьбы с привилегиями партийной номенклатуры.

Доминирующим коммуникативным каналом между властью и обществом сегодня становится визуальная, прежде всего, телевизионная перцептивная стратегия. Разумеется, для старших поколений сохраняет свое воздействие письменный текст, но все большую роль начинает выполнять «достоверность» телерепортажа, архитектурный текст золоченых куполов, символика «героического прошлого» дореволюционной России.

Авторитет властного положения, подкрепленный магической силой телеобраза (разумеется, неоднократно повторенного), придает харизматический блеск всему, что излагается с «государственной» точки зрения. После этого можно уверенно жонглировать относительными числами, игнорируя абсолютные (так, например, утверждать о 10%-м росте производства в текущем году, забывая падение того же производства во многие десятки раз в предшествующие годы). Одновременно приводится огромное количество фактов, из которых невозможно вывести связные логические рассуждения, берутся разноуровневые логические аргументы и сопоставляются как равноценные. Альтернативные суждения либо замалчиваются как несущественные или несуществующие, либо маркируются одиозным значением (хорошие слова «реформы», «рынок», «демократ»,

плохие – «коммунист, «консерватор», «люмпен»).

Подобно мольеровскому герою, носители властного дискурса были бы удивлены, узнав, в какой мере их речь изобилует всеми возможными логическими ошибками и софистическими приемами, прежде всего – пробабиллизмом. Разливая смысл употребляемых понятий, политики и чиновники превращают их в клише, выполняющие служебную роль вводных слов, междометий и соединительных союзов, ритуализирующих общение «в «связи» и «по поводу». Адекватно и восприятие – от нескрываемого отвращения или скуки до простого пропускания мимо ушей как информационного шума.

Привычка конспирировать свои действия приводит к тому, что власти перестают верить, кроме того, всякого рода безмолвие приводит к присвоению ее мнения; властью, способной становиться невидимой, прикрывают сделки. Характерны ситуации с телефонными разговорами между «социально близкими» – чиновниками и коммерсантами, незаконно записанными и просочившимися в средства массовой информации. Отвлекаясь от правовой оценки подобного рода действий, обратим внимание на содержательную сторону. Она свидетельствует о догадках участников диалога о возможном прослушивании, но отсутствии опасений по этому поводу. Действительно, если в разговорах небрежно упоминаются высокопоставленные чиновники Генеральной прокуратуры и правительства, втянутые в многомиллиардные сделки, то причины уверенности в абсолютной неуязвимости прозрачны. Показательна и лексика бесед, обнаруживающая интеллектуально-нравственный облик «власть имущих», имеющих порой самые высокие ученые степени и звания, но общающихся в тональности и языке бандитских «стрелок» (Подробнее см.: Мороз О. Миром правят циники и подонки. Увы... Литературная газета. 26 февраля –

6 марта 2001 г.). То ли преодолевая неловкость обращения с чуждыми словами, то ли стремясь быть ближе к «народу», властвующие прибегают к просторечию, по смыслу и цели подобном матерщине начальника в присутствии подчиненного как выражение его, начальника, дружеского расположения.

Субстантивация речи властью неязыковыми практиками находится в неоднозначной связи с собственно лингвистической стороной дискурса – вплоть до дисгармонии. В последнем случае образцово-показательны, а лучше сказать – предательски-выразительны неязыковые практики власти, демонстрирующие, видимо, не всегда осознаваемые притязания на исключительность и отдаленность от «простонародья». С этой целью власть создает особое пространство своего «явления народу» с вооруженной охраной, пропускными режимами повышенной строгости, перекрытием городского движения. Она перемещается из функциональной локализованности офиса в другую локализованность – отдыха, причем сама траектория перемещения тоже привилегирована. Эстетизация возрождающегося порядка как стремление власти к гармонизации социального пространства обращена не на первичные структуры гражданско-коллективного сосуществования, но в первую очередь, а порой исключительно, – на саму власть, ее «тело». Драматургия торжественного захоронения останков императорской семьи, византийская пышность президентской инаугурации, парадность губернаторских резиденций и т.п. призваны самим контрастом с убогими многоэтажками и скудным бытом сакрализовать власть и ее обладателей, вызвать наслаждение «чувством растущей власти» (Ницше), дистанцировать «тайну» власти от доступа чужеродных элементов. Театральный компонент власти (иной раз он выглядит опереточным) – традиционные символы державности, казаки, включенная в официоз православная обрядность и прочее в том

же духе, психоаналитически выглядит как выражение комплекса неполноценности нынешних чиновников, политиков, банкиров, лидеров шоу-бизнеса, создающих «высший свет». Формальная атрибутика власти призвана изгнать унижительную оскомину предвыборной агитации и обещаний избирателям (в жаргоне политтехнологов – «ботве» (Пелевин) и укрепить чувство сопричастности к общему, «родовому» дворянству номенклатуры. Стремление к избранности раскрывает одну из существенных черт повседневности «элитных» групп – сниженную способность к саморефлексии, потерю чувства реальности. (Что фантазмагоричней – холеные и хорошо одетые партийные функционеры, с официально-воодушевленным видом поющие «весь мир голодных и рабов», или они же, бывшие атеисты, истово крестящиеся и управляющие под флагом, воспринимаемым их отцами и дедами как символ предательства?).

Между тем, особую значимость индивидуально-личностное измерение власти приобретает в кризисные, переходные эпохи. Интеллектуальная и нравственная недостаточность Ельцина как Президента «отбросила» страну в «третий мир»; быстрое одряхление и душевная черствость политического лидера прямо совпадают с нарастанием кризисных моментов в развитии российского социума. Невольным антиподом в памяти всплывает другой «калека», выведший страну из глубочайшей депрессии и заложивший основы ее будущего преуспевания – американцы справедливо видели в Ф.Рузвельте не только незаурядного политика, но и человека, способного сопереживать соотечественникам, личным примером давать образец служения государству.

Закономерность, отмечаемая как политологами, так и этнографами: со времен закрепления социального расслоения в неравенстве «верхов» и «низов» поведение, вкусы, стиль жизни последних устремлены к тиражированию

субкультуры властвующих. Впрочем, здравый смысл не менее точно подсказывает – призывы к возрождению духовности, единству общества, защите Отечества, соблюдению законов обязательно «зависнут», если в пастырях обнаружат педерастов и уголовников, если сам правящий класс раздираем интригами и ожесточенной борьбой, если дети военачальников делают головокружительную карьеру, не подвергая жизнь лишениям и угрозе гибели, если судьи отпускают убийц и наркоторговцев под залог...

Параллели можно тянуть бесконечно, но дело в том, что рано или поздно, они все равно пересекутся...

Что еще имеет значение для понимания природы современной российской государственной власти?

Поспешность, с которой выходят в свет мемуары политических деятелей, едва отошедших от активной жизни, или сохраняющих высокое властное положение; центрированность этих «исторических» документов на персоне автора и его переживаниях при поразительной нравственной глухоте к тому состоянию, в котором находятся миллионы соотечественников и основные институты общества, отвечающие за воспроизводство самого общества и государства (третьи по счету воспоминания Ельцина исключительны как попытка самооправдания, выпадающего из социально-исторической реальности).

Чем сильнее и очевиднее становятся катастрофические последствия «курса реформ», тем в большей мере правящие круги будут приближаться к своеобразной «точке возврата». До нее еще остается, тающий, как весенний снег, временный ресурс изменения ситуации, не исключаяющий такого идеологического обрамления, как обрыв связей с прежним режимом, публичное дистанцирование от его ошибочных действий и негативных сторон, показательные судебные расправы над наиболее одиозными фигурами. После определенного рубежа при сохранении

нынешнего личностного состава и сложившихся кланов, историческое бездействие будет всерьез угрожать потерей не только привилегированного положения, но и самому физическому существованию обладателей власти. В этом контексте можно предвидеть продолжение действий на подавление не мнимой, а действительной оппозиции.

Трудно удивляться в этой связи изменениям, все более отчетливым, в дискурсе власти, вытесняющем на периферию сюжеты гражданского общества, местного самоуправления, федеративного устройства, и центрирующим внимание на укреплении властной вертикали, восстановлении конституционного порядка и законности. Тем более, что подобного рода демонстрации жестокости, обещания навести порядок, бороться с коррупцией и преступностью, идущие от «первого лица» обречены на успех (до поры до времени, разумеется) в массовой психологии, архетипически ориентированной на образы «царя-батюшки» и «добра-молодца».

В результате стихийно складывается своего рода практическая идеология, прикрываемая презентациями, заседаниями, закладыванием камней и разрезанием ленточек, бездействие и самолюбование власти. Ранее, в советские времена, манипулируя статистикой и преследуя инакомыслящих, можно было до поры до времени поддерживать иллюзию стабильности и «научного» управления обществом. Сегодня, не избегая соблазна приручить или подавить СМИ, порой, с еще большей жестокостью и наглостью, чем прежде, власть молчит. Или же, соскальзывая к привычно командно-административным методам управления, бюрократические кланы, не находя рационального обоснования своей политики в моделях правового государства, инициируют обсуждение вопроса о русской исключительности в многообразных ее аспектах - морально-этическом (русская душа), религиозном (православная вера), геополитическом (державность и

«евразийство»). Другие способы сакрализации государственности не просматриваются, т.к. апелляции к иному политическому очагу и иным мыслительным традициям перекрыты переделом власти и собственности. Требуется же превращение Конституции в реальный инструмент социального управления и контроля. В действительности скорее происходит сакрализация властной личности и, тем самым, оправдание властной вседозволенности и неограниченности способов удовлетворения потребностей по стандартам престижа и роскоши. Критика же подобного гедонизма охотно маркируется проявлением «коммунистической уравнительности» и «люмпенской зависти». Подобная сакрализация в перспективе провоцирует принуждение и препятствует развитию коммуникативного кода, совпадающего с ожиданиями общества, превращающего идеологию в мобилизующую силу для самого говорящего.

Игнорирование иной повседневности (за пределами столиц и центров субъектов федерации, крупных промышленных городов, отдельных привилегированных экономических и поселенческих пространств) снова ведет к выпадению из истории. Вражда к прошлому, персонифицированному в «люмпенах», «нищих» и «бездельниках», жестокое обращение с реальностью, выраженное в стремлении «разрисовать» ее по мерке «нового» идеала,

свидетельствуют о бесчувствии власти к дыханию повседневности, углублению социокультурного раскола, об очередном опасном социально-историческом экспериментировании с «человеческим фактором».

Власть, не умея и не желая вести диалог с кем-либо, не обладающим силой, нащупывает путь создания нового стратегического языка, Большого Текста, который однажды, в связи с чрезвычайным событием (а его можно и организовать!), своим содержанием мог бы парализовать любое сопротивление, сделав его кощунственным, предательским. Круг ценностей, на сакрализацию которых уповают как на спасательный круг, достаточно известен и аналитически раскрыт вдоль и поперек, но вряд ли в него войдут «естественные и неотъемлемые права», разделение властей, священность и неприкосновенность частной собственности.

Политика, основанная исключительно на отвлеченных и универсальных идеологемах, обеспечивающих патриархально-авторитарную иерархию, а не на учете реальной расстановки и соотношении общественно-политических сил, переплетении и противоречиях интересов основных групп населения, объективных задачах трансформации социальных институтов, неизбежно будет провоцировать применение насильственных методов реализации власти.